

Меня зовут Лэ-лэ, мне пять лет. Сегодня я открыл потрясающую тайну моего всемогущего папы Шэня — он совершенно не умеет петь!

Все началось так. В нашем детском саду решили провести конкурс семейной песни, и воспитатели попросили родителей подготовить с детьми какой-нибудь номер. Я был в полном восторге и, едва вернувшись домой, сразу объявил эту новость.

— Папа, папа Шэнь, давайте вместе споем! Давайте выберем Маленькую звездочку, хорошо?

Папа Гао Ту тут же с улыбкой кивнул:

— Конечно, Лэ-лэ, что хочешь, то и споем.

А папа Шэнь в этот момент сидел на диване с документами. Услышав мои слова, он едва заметно вздрогнул. Он медленно отложил бумаги, отвел взгляд в сторону, прочистил горло и произнес:

— Я... пожалуй, не очень подхожу для пения.

— Почему? — я подбежал к нему и схватил за руку. — Папа Шэнь ведь все на свете умеет!

Папа Гао Ту, наблюдавший за нами со стороны, загадочно улыбнулся. Он подошел и похлопал папу Шэня по плечу:

— Да ничего страшного, это же просто игра для Лэ-лэ, споем как-нибудь.

Папа Шэнь посмотрел на наши ожидающие лица и в конце концов сдался, крайне неохотно кивнув.

Вечером мы втроем встали в гостиной и начали первую репетицию. Голос у папы Гао Ту был чистый и нежный, словно горный ручей. Мой голос, хоть и по-детски тонкий, тоже попадал в ноты. Но когда папа Шэнь запел Твинкл, твинкл, литтл стар...

Мы с папой Гао Ту застыли.

Это был... трудноописуемый звук. Каждая нота будто бы находилась не на своем месте, голос то взлетал, то падал, а ритм был совершенно непредсказуемым, словно грузовик, несущийся напролом через нотный стан. И это при том, что колыбельная должна быть нежной, но в его исполнении она звучала как нечто героическое и яростное.

Папа Гао Ту сначала вытаращил глаза, а затем резко опустил голову, и его плечи затряслись. Он изо всех сил сдерживал смех, даже лицо покраснело.

Я же был куда прямолинейнее: я указал на папу Шэня пальцем и расхохотался:

— Папа Шэнь! Ты же не попадаешь в ноты! Как будто Дональд Дак ругается!

Уши папы Шэня на глазах стали пунцовыми. Он неловко замолчал, поднес кулак к губам, кашлянул и не знал, куда деть глаза. В этот момент он выглядел еще милее, чем я, когда меня ловят на ошибке в арифметике.

— Я же сказал, что не подхожу, — буркнул он.

Папа Гао Ту наконец перестал смеяться и поднял голову, его глаза по-прежнему сияли. Он подошел и совершенно естественно положил руку на плечо папе Шэню, его голос звучал мягко, без тени насмешки:

— Ничего страшного, все хорошо, у тебя... очень своеобразная манера исполнения.

Папа Шэнь взглянул на него с выражением беспомощного укора.

Я думал, он на этом сдастся, но, помолчав несколько секунд, он вдруг сказал:

— ...Давайте еще раз.

И мы начали снова. Голос папы Гао Ту оставался чистым, мой — по-детски звонким, а голос папы Шэня... по-прежнему напоминал храброго Дональда Дака, идущего в атаку.

Но в этот раз папа Гао Ту уже не смеялся. Он внимательно слушал, изредка слегка постукивая в такт, пытаясь вернуть сбежавшую мелодию папы Шэня в нужное русло. Папа Шэнь тоже старался изо всех сил, слегка нахмурившись, он пытался уловить наш ритм.

К концу песни мне стало совсем неважно, попадаем мы в ноты или нет. Слушая, как нежный голос папы Гао Ту переплетается со странным, но невероятно серьезным голосом папы Шэня, глядя на их стоящие рядом фигуры, я почувствовал, как сердце наполняется счастьем.

В день конкурса мы, конечно, не заняли призового места. Но когда мы вдвоем стояли на сцене и папа Шэнь своим уникальным, лишенным слуха голосом вместе с нами громко пел Маленькую звездочку, зрители в зале улыбались. Это не был насмешливый смех — это была та самая теплая улыбка, когда людей что-то по-настоящему радует.

Во время музыкальной паузы папа Гао Ту повернулся к папе Шэню, и в его глазах было столько нежности и смеха, что они, казалось, вот-вот польются через край.

В тот миг я понял: голос папы Шэня, возможно, его единственный недостаток, но он был готов ради меня выставить этот недостаток на всеобщее обозрение. Это требовало куда больше мужества, чем принятие самых успешных бизнес-решений.

К тому же, судя по папе Гао Ту, он совсем не считал это пение плохим. Наоборот, кажется, для него это было... чем-то очень ценным?

Теперь это стало нашим маленьким семейным секретом. Иногда, чтобы меня рассмешить, папа Гао Ту тихо подначивает:

— Вэнь-лан, покажешь Лэ-лэ свою улучшенную версию Маленькой звездочки?

Папа Шэнь всегда делает строгое лицо и хмурится, но каждый раз, видя мой ожидающий взгляд, в итоге все же негромко напевает пару строк своим низким и странным голосом.

И тогда папа Гао Ту всегда смеется так искренне, что это кажется прекраснее любой музыки в мире.

Я думаю, может быть, в самой нескладной песне скрывается самая прекрасная любовь. Ведь только самые близкие люди готовы делить друг с другом свои несовершенства и глубоко любить их именно такими, какими они есть.

<http://bllate.org/book/18624/1793099>